

ЧЕРЕПОВА. Чай давно на столѣ, газеты тоже,—не понимаю, чего ты привередничаешь. Ты просто не выспался, послѣ обѣда, какъ слѣдуетъ...

ЧЕРЕПОВЪ [смягчившись]. Выспишься тутъ, какъ слѣдуетъ, съ такою обузой... Вѣдь у меня, матушка, на рукахъ не табачная лавочка, а нѣкоторымъ образомъ цѣлая больница... да еще больница душевно-больныхъ,—тутъ каждую минуту можно ожидать какого-нибудь сюрприза! Мой предшественникъ, надо ему отдать справедливость, совсѣмъ ее запустилъ,—приходится чуть не снова все налаживать... чистое наказанье!..

ЧЕРЕПОВА [наливая чай]. Самъ же ты захотѣлъ этого «наказанія», никто тебя не заставлялъ. Могъ бы преспокойно оставаться ассистентомъ у Николая Ильича и продолжать жить въ городѣ... [Взетъ со стола книгу и переходитъ направо на диванъ].

ЧЕРЕПОВЪ. И исполнять всѣ его генеральскія причуды,—нѣтъ, слуга покорный... довольно съ меня!.. Теперь, по крайней мѣрѣ, я самъ себѣ господинъ и могу, наконецъ, работать и жить безъ указки... Лѣчу какъ желаю, живу какъ хочу... Вотъ сейчасъ—сяду за столъ и буду пить чай хоть до зари... и никто безъ толку не посмѣетъ меня потревожить!.. [Усаживается за чайный столъ и развертываетъ газету. Пауза. Затѣмъ заглядываетъ изъ-за газеты на жену, погруженную въ чтеніе]. Ты чтò это читаешь—опять своего полоумнаго философа?

ЧЕРЕПОВА. Во-первыхъ, онъ не полоумный, а...

геніальный, — это, надѣюсь, маленькая разница; а во-вторыхъ... развѣ тебѣ это не безразлично?

ЧЕРЕПОВЪ. Далеко не безразлично... Я думаю всякій мужъ болѣе или менѣе заинтересованъ, чтобы въ головѣ у его жены все было въ порядкѣ.

ЧЕРЕПОВА. Ахъ, Александръ, занимайся ты лучше хорошенъко своею больницей, а обо мнѣ, пожалуйста, оставь попеченіе! Все равно, мы никогда другъ друга не поймемъ!..

ЧЕРЕПОВЪ. Да тутъ и понимать нечего... То, что ты читаешь, не только вредно, но прямо таки—нелѣпо... бессмысленно... и это можно доказать во всякое время! [Вставая и подходя къ женѣ]. Вотъ хочешь, я сейчасъ возьму любую строку сверху или снизу, и ты увидишь какая это бессмыслица. [Движеніе Череповой]. Напримѣръ... хоть строка девятнадцатая сверху... Ну, дай сюда книгу... ну, на одну минуту!... [Беретъ книгу и смѣется]. Вотъ не уютно ли: [Читаетъ съ напускнымъ пафосомъ]. «Ночь. Теперь громче говорятъ всѣ бьющіе ключи. И моя душа тоже бьющій ключъ... Ночь. Теперь только пробуждаются пѣсни влюбленныхъ. И моя душа тоже пѣснь влюбленнаго... Что-то неутолимое есть во мнѣ; нельзя утолить его: это оно и хочетъ говорить во мнѣ. Во мнѣ есть жажда любви, которая сама говоритъ языкомъ любви... Ночь», и т. д. [Отдавая женѣ книгу]. Развѣ это, по твоему, не галиматья? Мои паціенты чуть не ежедневно награ-

ждаютъ меня подобною литературой... [Отдаетъ ей книгу]. Ночи, конечно, лѣтомъ бываютъ превосходныя... однако, изъ этого не слѣдуетъ, что можно печатать всякую глупость, что придетъ въ голову! [Возвращается на старое мѣсто].

ЧЕРЕПОВА. Твоя иронія здѣсь вовсе не у мѣста. Довольно странно судить о цѣломъ произведеніи по случайному отрывку; хотя даже и въ этомъ отрывкѣ много своеобразной красоты... Впрочемъ, ты никогда не понималъ истинной поэзіи, и тайники души человѣческой для тебя мало доступны..

ЧЕРЕПОВЪ. Вотъ это мило. Я, извѣстный психіатръ Череповъ,—и вдругъ «тайники души человѣческой» мнѣ мало доступны?!

ЧЕРЕПОВА [болѣзненно усмѣхалась]. Да, ты извѣстный психіатръ Череповъ... и все-таки «тайники» души человѣческой для тебя мало доступны!.. И они всегда будутъ для тебя мало доступны, потому что въ каждомъ человѣкѣ ты видишь только пациента, интереснаго или неинтереснаго, а не мучительную загадку живой дѣйствительности... И ты не замѣчаешь какъ проходишь мимо самыхъ глубокихъ и скорбныхъ загадокъ...

ЧЕРЕПОВЪ. Покорно благодарю за науку!.. Откровенно признаться, самую прискорбную загадку для меня представляетъ... твоё поведеніе за послѣднее время...

ЧЕРЕПОВА. Мое поведеніе?..

ЧЕРЕПОВЪ. Ну, да. Послѣднее время ты цѣлые

дни все читаешь, почти никуда не выѣзжаешь и, что уже совсѣмъ возмутительно, даже не принимаешь такихъ почтенныхъ и необходимыхъ людей, какъ, напримѣръ, Николай Богдановичъ... Какъ это прикажете понимать?

ЧЕРЕПОВА. Разгадка очень простая: надоѣло... *мать!*..

ЧЕРЕПОВЪ. Нечего сказать, уважительная причина, чтобы отказывать отъ дому добрымъ знакомымъ и портить дѣловыя отношенія мужа... И потомъ: неужели же, по твоему, всѣ только и дѣлаютъ, что лгутъ?

ЧЕРЕПОВА. Въ большинствѣ.

ЧЕРЕПОВЪ. Даже доктора?

ЧЕРЕПОВА. Даже доктора...

ЧЕРЕПОВЪ. И я, значить, въ томъ числѣ?.. [ЧЕРЕПОВА опускаетъ глаза; ЧЕРЕПОВЪ иронически кланяется]. Напримѣръ?

ЧЕРЕПОВА. Да хоть сегодня... Напримѣръ, что ты сказалъ Марьѣ Евграфовнѣ?.. Я вѣдь ее отлично знаю: вздорная, совершенно здоровая женщина, которая изводитъ своими капризами мужа и, не смотря на то, что у нея дочь невѣста, влюбилась на старости лѣтъ въ какого-то бездарнаго скрипача... Интересно: куда ты ее послалъ?

ЧЕРЕПОВЪ. Въ душѣ, разумѣется, я послалъ ее къ чорту, потому что она явилась не въ пріемный часъ, а на дѣлѣ... въ южную Францію, въ Клермонъ-Ферранъ.

чЕРЕПОВА. А ей, по твоему, что собственно необходимо?

чЕРЕПОВЪ. Розги... хорошія, березовыя розги... И, въ самомъ любезномъ случаѣ, на ночь простокваша... для очищенія крови!..

чЕРЕПОВА. Вотъ ты всегда такъ. Отчего же бы не сказать правды... хотя, конечно, въ болѣе мягкой формѣ... чѣмъ посылать Богъ вѣсть куда!

чЕРЕПОВЪ. Да ты, матушка, никакъ рехнулась? Да вѣдь, еслибъ я сталъ говорить барынямъ въ глаза правду... у меня, пожалуй, кромѣ собственной жены, ни одной бы пациентки не осталось!..

чЕРЕПОВА. Ну, вотъ видишь, и выходитъ по моему: вездѣ и во всемъ одинъ только расчетъ... И отсюда—вѣчное лганье, пышныя фразы тамъ, гдѣ нужна простая истина, и, вмѣсто человѣческихъ отношеній... лишняя и горькая путаница!..

чЕРЕПОВЪ [свистигъ]. Куда заѣхала! Милый другъ, будь осторожнѣе: ставши на такую почву, можно, часомъ, и свихнуться.

чЕРЕПОВА. Какъ ты меня не понимаешь... Напротивъ, я готова допустить самую практическую точку зрѣнія, но я не выношу лжи. Если глядѣть на міръ, какъ ты глядишь, то надо, по крайней мѣрѣ, быть послѣдовательнымъ... Лги сколько твоей душѣ угодно, но при чемъ тогда тутъ святость науки, о которой ты такъ любишь проповѣдывать, и успѣхи культуры, которымъ ты всегда такъ радуешься?!

ЧЕРЕПОВЪ. Ну, «святость» науки, это — особь статья; а что до успѣховъ культуры, то я, дѣйствительно, совсѣмъ искренно имъ радуюсь... и за себя, и за другихъ. Напримѣръ, когда вошло въ моду электрическое освѣщеніе, я заблаговременно отъ души поздравилъ моихъ коллегъ... «глазныхъ» врачей; когда сталъ распространяться телефонъ — тоже скрывать не буду — я крѣпко порадовался за практику врачей... по «упнымъ» болѣзнямъ; а когда появились на свѣтъ Божій — велосипедъ, автомобиль и прочая членовредительная гиль, — я вполне утѣшился и за остальныхъ медицинскія специальности! [Потираетъ руки]. Вообще — нечего грѣха таить — когда мнѣ попадаетъ въ газетахъ восторженное извѣстіе о какомъ-нибудь новомъ нервотрепательномъ изобрѣтеніи, я невольно потираю руки и думаю про себя: «что-жь пускай, — нашего полку прибыло!» И, замѣть, авторъ извѣстія, въ заключеніи, непременно умиляется: «Чрезвычайное открытіе! Необыкновенное изобрѣтеніе! Дальше, кажется, идти некуда»!.. Какъ, думаю, голубчикъ некуда: а сумашедшіе-то дома зачѣмъ?.. Милости просимъ, ежели что...

ЧЕРЕПОВА. Скажи, пожалуйста, зачѣмъ ты мнѣ все это говоришь — и, вообще, говоришь со мной такимъ образомъ? Какая цѣль?.. Уберечь вѣру въ человѣка... едва ли такъ возможно!..

ЧЕРЕПОВЪ. Извините, сударыня, у меня пѣскольно иная специальность: убережь... здравый

СМЫСЛЪ!! [Черепова отворачивается отъ мужа]. Ну, вотъ, опять накуксилась... Ну, перестань... Я вѣдь это нарочно... Ну, хочешь, я тебя посмѣшу? Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ бы тебя развлечь... Развѣ рассказать про моего новаго пациента? [Улыбаясь]. Преоригинальный субъектъ... Еще совсѣмъ молодой человѣкъ... что-то около пяти лѣтъ сочинялъ какую-то философскую книгу, но въ домѣ случился пожаръ, и его рукопись сгорѣла... Понимаешь, это его такъ потрясло, что онъ свихнулся... И, представь, на чемъ помѣшался,—это уморительно... Но ты меня не слушаешь?

ЧЕРЕПОВА. Нѣтъ, я слушаю... но мнѣ почудилось будто кто-то позвонилъ!..

ЧЕРЕПОВЪ. Тебѣ вѣчно что-нибудь чудится!.. [Оба прислушиваются. Со стороны балкона явственно доносится звонокъ]. Дѣйствительно, звонятъ у воротъ... [Встаетъ]. Это навѣрно телеграмма или сторожъ изъ больницы съ какимъ-нибудь вздоромъ... Нѣтъ того, чтобы хоть одинъ вечеръ оставить человѣка въ покоѣ!.. [Проходитъ въ садъ и черезъ минуту возвращается съ запиской въ рукахъ, видимо разстроенный]. Такъ и есть, сторожъ изъ больницы... и съ пренепрятнымъ извѣстіемъ!.. [Сердито про себя, пряча записку въ карманъ]. Чтобы ихъ чортъ побралъ!.. Пьянствуютъ мерзавцы, вмѣсто того, чтобы хорошенько смотрѣть за больными!..

ЧЕРЕПОВА. Что такое случилось?

ЧЕРЕПОВЪ. Это до васъ не касается... [Нервно за-

стегивая свой китель]. Дѣло, во всякомъ случаѣ, поважнѣе вапихъ бабихъ мечтаний!.. Рассказывать все равно некогда — надо немедленно идти... [Уходитъ направо и сейчасъ же возвращается съ фуражкой и палкой въ рукахъ]. Ну, прощай... я иду. [Указывая на лампу на столѣ]. Смотри, кажется, въ лампѣ мало керосину?.. Огонь догорить, и ты останешься въ темнотѣ... Впрочемъ, сама виновата: зачѣмъ отпустила всю прислугу?.. Я же тебѣ говорилъ, что такъ нельзя... я тебѣ говорилъ!.. [Уходитъ черезъ балконъ].

II.

ЧЕРЕПОВА одна.

ЧЕРЕПОВА. Въ самомъ дѣлѣ, что бы такое могло случиться? Онъ такъ встревоженъ... [Съ грустной улыбкой]. Впрочемъ, не все ли мнѣ теперь равно?.. Что бы ни было — оно не будетъ страшнѣе того, что случилось въ дуплѣ моей... Вотъ гдѣ догораетъ послѣдній живительный огонь и подкрадывается незамѣтно удручающая, безнадежная тьма... А онъ ничего не видитъ... ничего... [Ходитъ въ волненіи]. Все занято чужими больными существованіями, — до того ли ему, чтобъ угадать близкую, испытывающую душу!.. Пускай эта душа очутится на краю гибели — опъ пройдетъ разсѣянно мимо, какъ мимо какойнибудь надоѣвшей и неинтересной пациентки. Въ своемъ самопѣніи, онъ полагаетъ, что его извѣстность и свѣтская суета должны

оградить меня... и отъ душевнаго одиночества, и ото всякихъ злыхъ вопросовъ. Какъ ему втолковать... какъ втолковать, что я прямо задыхаюсь отъ наглої лжи и мучительныхъ противорѣчій, которыя одолѣвають меня со всѣхъ сторонъ, точно слѣпни... И, подумаешь, среди всей этой огромной толпы—такъ называемыхъ, «добрыхъ знакомыхъ», зачѣмъ-то «нужныхъ людей» и мнимо-дѣловыхъ головъ,—ни одного, съ которымъ можно было бы подѣлиться, хотя бы на мгновеніе, затаенной скорбью, отравляющею мою душу... Ни одного... [Садится въ раздумьѣ на диванъ и беретъ книгу]. Да, ни одного!.. Если натолкнешься на что-нибудь умное, то это умное... непременно злое и тщеславное; если же найдешь случайно что-нибудь искреннее, доброе... то это доброе окажется всегда нѣчто тусклое, безвольное, спутанное предразсудками, какъ кандалами... Все истинно смѣлое, дерзко оригинальное, беззавѣтно самоотверженное, точно нарочно гдѣ-то презрительно притаилось, чтобы не испугать нашего жалкаго благополучія... Боже мой, неужели же такой человѣкъ — только мечта... и я должна его молча предчувствовать, безъ надежды когда-нибудь увидѣть?!. [Экзальтированно]. О, еслибъ я могла сказать своему невидимому незнакомцу, какъ Фаустъ, своему духу: «явись!»—клянусь, я не промедлила бы ни одной минуты, чтобы произнести заклинаніе!.. [Задумчиво перелистываетъ книгу. Пауза. Входитъ луна и освѣщаетъ комнату]. Какъ странно, что мужу

попался сегодня именно этот отрывокъ! [Перечитывается]. «Ночь... теперь громче говорятъ всѣ бьющіе ключи. И моя душа тоже—бьющій ключъ. Ночь. Теперь только пробуждаются пѣсни влюбленныхъ...» [Осматривается]. Дѣйствительно, какая сегодня плѣнительная ночь!.. Какая таинственная тишина кругомъ!.. [Встаетъ и подходитъ къ балкону]. Ахъ, и люди, и книги, всѣ теперь лгутъ, всѣ... одна природа не лжетъ и примиряетъ... и, пожалуй, еще музыка... Да, и музыка!.. Сколько неожиданныхъ радостей дарила она мнѣ прежде, сколько разъ утѣшала и спасала въ минуты самой мертвящей тоски... Что бы было безъ нея съ бѣдной душою моею?!. [Подходитъ къ пианино и задумчиво перебираетъ ноты; затѣмъ садится и играетъ «Ноктюрнъ» Шопена. Пауза. Въ саду, а затѣмъ на порогѣ балкона показывается Незнакомецъ. Одѣтъ небрежно, въ петлицѣ разстегнутаго сюртука большой красный цвѣтокъ. Незнакомецъ робко озирается и напряженно вслушивается въ музыку. На половникѣ пѣсы Черепова вдругъ останавливается и грустно покачиваетъ головой].

III.

ЧЕРЕПОВА и НЕЗНАКОМЕЦЪ.

НЕЗНАКОМЕЦЪ [порывисто, почти со стономъ]. О, продолжайте, продолжайте!.. Я умоляю васъ продолжать!.. [Черепова оборачивается, но съ перепуга не можетъ выговорить ни слова]. Зачѣмъ вы прекратили такую чарующую музыку?.. [Черепова инстинктивно хватается за звонокъ на столѣ. Незнакомецъ дѣлаетъ движеніе впередъ]. Ради